Мира С. Тай
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

Трансгендерность, трансрасовость, транс?
Рецензия на книгу: Brubaker R. (2016) Trans: Gender and Race in an Age of Unsettled Identities, Princeton University Press

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-227-236

Летом 2015 г. статьи новостных агентств США запестрели громкими заголовками: Рейчел Долезал, активистка за права темнокожих, президент отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (NAACP), публично «разоблачена» как белая [Perez-Pena, 2015]. Около 20 лет она прикладывала множество усилий, чтобы создать впечатление, что является чернокожей по рождению. Коллегам Долезал не приходило в голову сомневаться в ее расовой принадлежности, но правда вышла на поверхность: родители Рейчел сообщили прессе, что в их роду нет чернокожих предков, а их дочь рождена белой.

Публикация истории Долезал привела к широкомасштабной и ожесточенной дискуссии о том, следует ли расценивать ее поступки как расизм. Мнения высказывали ученые, журналисты, активисты, блогеры и простые пользователи соцсетей, часто не пренебрегая переходами на личности и оскорблениями, как в адрес Рейчел, так и оппонентов в интернете. Тема оказалась болезненной по той причине, что расизм действительно до сих пор остается серьезной проблемой. Иллюстрацией могут служить последние случаи неоправданного полицейского насилия и убийств чернокожих в США [García, Sharif, 2015]. Опыт угнетения и борьбы с ним, который проживали и проживают жители США, дают возможность видеть, как

Тай Мира Сергеевна — студент магистерской программы «Современный социальный анализ» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Научные интересы: гендер, феминизм, сексуальность, трансгендерность. E-mail: tai.smoke@gmail.com
Mira S. Tay — master's student of Modern Social Analysis at The National Research University Higher School of Economics in St Petersburg. Research interests: gender, feminism, sexuality, transgender. E-mail: tai.smoke@gmail.com

даже мелкие проявления расизма укрепляют неравенство, воспроизводя его на разных уровнях [Jones, 2000].

В русскоязычном публичном пространстве такие вопросы обсуждаются и рефлексируются редко. Академическое социологическое сообщество, конечно же, поднимает тему расизма. Так, под редакцией В. Воронкова, О. Карпенко и А. Осипова вышли две обширные коллективные монографии, посвященные расизму в языке социальных наук и языке образования [Воронков, Карпенко, Осипов, 2002; 2008]. Однако попытки академического анализа не могут в одночасье справиться с господствующими в обществе расистскими и националистскими идеями. Как пишет В. Ярская [2012, с. 51]: «Очевидно, необходимы дополнительные действия по «оздоровлению» социальных институтов, в которые серьезно инфильтрован радикальный национализм — школ, университетов, молодежных движений, масс-медиа». За последние пару лет происходят некие, хоть и пока маленькие, подвижки «снизу», к примеру, в российской публичной дискуссии недавно начали подниматься вопросы о допустимости или недопустимости «блэкфейса» — попытки белых людей загримироваться под чернокожих. В США и европейских странах «блэкфейс» общепризнан как неприемлемая и оскорбительная практика, так как прочно ассоциируется с насмешками, дегуманизацией и расистскими стереотипами, которые воспроизводились с помощью подобного грима веками.

В 2017 г. российская версия молодежного журнала ElleGirl публикует на своем сайте заметку: «Ты не поверишь, в чем обвинили Сашу Кэт!» [Мишина, 2017] с подзаголовком «Абсурд или не абсурд?». В ней описывается ситуация с известной видеоблогеркой, которая выложила в сети селфи с «блэкфейсом» и внезапно получила много критических замечаний подписчиков по этому поводу.

Именно так, проводя аналогию между стараниями Рейчел Долезал сделать свою кожу темнее и практикой «блэкфейса», множество американских комментаторов обвинило Долезал в расизме. Ухудшило ситуацию также и то, что журналисты обнаружили обман в ее рассказах о семье. Рейчел осознанно и намеренно скрывала своих настоящих, белых родителей, выдавая за отца чернокожего человека, говорила о поездках в Африку, где на самом деле никогда не бывала и т. д.

Однако помимо высказываний о том, что действия Долезал должны расцениваться как расизм, а сама она является «фальшивкой», звучали и другие голоса. Некоторые отмечали то, что Долезал искренне вовлечена в «черную» культуру, демонстрирует глубокое понимание африканского искусства, проблем чернокожего населения в США, а также внесла заметный вклад в борьбу с расизмом как правозащитница и активистка.

Немногим ранее в том же году Кейтлин Дженнер совершила публичный трансгендерный каминг-аут. Ранее известная как спортсмен и олимпийский чемпион Брюс Дженнер, Кейтлин сообщила, что с детства чувствовала себя женщиной, родившейся в неправильном «мужском» теле, и, наконец, решилась заявить об этом открыто, сменить имя и жить в соответствии со своей гендерной идентичностью [Bissinger, 2015].

Из-за того что обе истории показались публике в чем-то схожими («смена пола» и «смена расы» как отказ от неких биологических, врожденных характеристик) и оказались под прицелом общественного внимания примерно в одно и то же время, были предприняты попытки провести параллели между ними. Если мы принимаем, что гендерная идентичность не связана с биологическим полом, то почему мы не можем принять то, что белый человек может чувствовать себя чернокожим? Или мы должны отвергнуть оба данных предположения? Или эти вещи невозможно сопоставить в принципе, и силлогизм в данном случае некорректен?

В книге «Транс. Гендер и раса в эпоху неустановившихся идентичностей» («Trans. Gender and Race in an Age of Unsettled Identities») известный американский социолог Роджерс Брубейкер, исследователь этничности и национализма, обращается к этой дискуссии, рассматривая ее как возможность по-новому взглянуть на трансформацию категорий гендера и расы. По его мнению, истории Долезал и Дженнер, а также последовавшие за ними жаркие споры лучше всего демонстрируют изменения привычных категорий в сторону размытости и текучести, при этом отражая конфликт между нестабильностью новых пониманий идентичности и страхом разрушения конвенциональных представлений о расе и гендере.

Книга Брубейкера — скорее эссе, чем строгая научная работа, о чем он и говорит в предисловии. Он использует максимально простой язык, не увлекаясь специальной терминологией, адресуя свою работу не только академическим исследователям, но и всем, кто интересуется вопросами гендера и расы. На мой взгляд, выбор именно такого формата более чем оправдан, учитывая то, что дискуссия затронула широкую аудиторию. Расширяя возможный круг читателей, Брубейкер позволяет на равных участвовать в диалоге тем, кто не входит в академические круги, но для кого осмысление ситуации важно и релевантно. При этом нельзя не отметить смелость автора в попытке максимально беспристрастно рассмотреть такие болезненные для многих вопросы, не впадая при этом в холодное и отстраненное «препарирование» чужого травматичного опыта.

Брубейкер старается быть осторожным и уважительным по отношению ко всем сторонам дискуссии. Он подчеркивает, что его

личный бэкграунд как белого цисгендерного мужчины может ограничивать его видение. Как трансгендерная персона, я тем не менее высоко оцениваю его довольно неожиданную точность и глубину понимания многих аспектов трансгендерного опыта.

Книга Брубейкера состоит из двух частей. В первой части под названием «Транс-момент» (*The Trans Moment*) автор подробно разбирает ситуацию Рейчел Долезал, и то, как эта история породила волну споров о возможности расовой самоидентификации, о сравнениях «*трансрасовости*» и трансгендерности, основанных на параллели с историей Дженнер.

Описывая публичную дискуссию, вызванную историей Долезал, Брубейкер группирует все мнения в четыре категории. Первые две основаны на силлогизме «Если Дженнер, то и Долезал». Он приводит разных людей к абсолютно противоположным выводам: как последовательно эссенциалистским мнениям, которые полностью отвергают возможность признания и трансгендерного перехода, и «трансрасового», так и последовательно «волюнтаристским» — о том, что общество должно принимать как трансгендерность, так и «трансрасовость» Долезал. Также Брубейкер выделяет два смешанных варианта — «да» трансгендерности, «нет» Долезал и наоборот.

Анализируя каждую из этих позиций, Брубейкер высказывает предположения, как именно они были сформированы, и почему некоторые из них оказались доминирующими, а другие звучали совсем редко. Основным мотивом здесь часто выступает страх — страх консервативной общественности, в том числе религиозной, которая будто бы теряет привычную устойчивость своих позиций в меняющемся мире, теряя при этом и власть, и возможность контролировать расстановку сил, если каждый человек получает возможность свободно выбирать в любом аспекте собственной идентичности.

Вполне оправданный историческим опытом страх маргинализованных и угнетенных групп, вызванный ощущением, что их идентичность и опыт угнетения могут быть стерты и нивелированы, культура утеряна, а риски подвергнуться насилию возрасти. С другой стороны, здесь выступает страх тех, кто также на протяжении столетий подвергался насилию и маргинализации из-за желания быть свободными от ограничивающих и жестких социальных рамок, играть решающую роль в выборе собственной жизненной траектории и стиля жизни. Эти страхи непосредственным образом влияют на позицию, которую разные люди занимают по отношению к возможности выбора идентичности, как расовой, так и гендерной.

Во второй части книги «Думать с транс» (*Thinking with Trans*) Брубейкер предлагает использовать категорию «*транс*» как инстру-

мент для анализа не только все более размывающихся границ пола и гендера, но также и размывающихся границ расы и этничности, о которых говорят значительно меньше. Пытаясь изложить идеи Брубейкера на русском языке, мы, однако, столкнемся с некоторыми терминологическими сложностями. Дело в том, что, хотя в английском языке *trans* — нейтральное слово, в русскоязычном контексте «транс» как существительное долгое время преимущественно использовалось (и продолжает использоваться) в негативной коннотации, в качестве оскорбления трансгендерных людей.

Вследствие этого многие трансгендерные активисты и активистки считают некорректным и неэтичным употребление этого слова: «Недопустимо использование отдельно стоящего слова «транс*» в качестве существительного» [Кирей-Ситникова, 2015, с. 30]. Но перевести другим образом термин, предложенный Брубейкером, не представляется возможным, поэтому здесь стоит пояснить, что в контексте его книги «*транс*» нужно трактовать широко — как трансформативность, переход, даже путешествие, — а не в прямой связи с трансгендерностью как явлением или идентичностью.

Брубейкер на основании трансгендерного опыта выделяет три вида «транс», сопоставляя их с историями об оспаривании границ расы. «Транс как миграция» (*The trans of migration*) — как перемещение из одной категории в другую, как наиболее конвенциональный вид трансгендерности — «из мужчины в женщину» и наоборот, а также «из белого человека в черного» и наоборот. «Транс между» (*The trans of between*) — временное или постоянное положение где-то между закрепленными полюсами категорий бинарной гендерной оппозиции, а также расовой оппозиции.

Сюда Брубейкер относит гендерно-некомфорных людей, андрогинов, кроссдрессеров, людей со смешанным расовым происхождением и тех, кто сознательно выбирает выглядеть и восприниматься как представитель другой расы, но исключительно временно по различным причинам. «Транс за пределами» (*The trans of beyond*) — попытки отказаться от категорий гендера и расы в принципе, выйти за ее пределы.

В процессе раскрытия этих понятий автор последовательно описывает особенности каждого вида «*транс*», сопровождая их примерами реальных людей и комментируя дискуссию вокруг каждого случая. На основе сопоставления идей трансгендерности и «*трансрасовости*» мы видим, в чем заключаются различия этих концептов. В частности, Брубейкер подмечает, что большее принятие идеи трансгендерности может являться следствием того, что ее биологическая составляющая — пол — уже довольно давно

лингвистически отделена от социальной — гендера и гендерной идентичности.

В случае с расой ничего подобного в английском языке пока что не произошло. Это может быть связано с тем, что вопросы гендерной принадлежности на данный момент гораздо сильнее закреплены в формальных институтах, что справедливо как для США, так и для России, и большинства других стран. Графа «пол» незыблемо присутствует в паспортах и других официальных документах, тогда как требования указать расу или национальность человека встречается довольно редко. Жесткие требования к прозрачности гендерной принадлежности человека проявляются во всех элементах социальной реальности, начиная с межличностного взаимодействия и заканчивая взаимодействием с государственными, медицинскими и другими институтами. Данная жесткость может объяснять масштабность контрдействия, которая вылилась в конечном итоге в более сложную структуру системы пол — гендер.

Анализируя трансформации расовых и гендерных категорий, мы не можем избежать разговора о власти, привилегиях и уязвимости. Невозможно отрицать, что стабильность этих категорий нарушается все больше, однако вопрос в том, кто именно освобождается от рамок этих категорий, кто именно получает возможность выходить за их пределы или перемещаться от одного полюса к другому, и как это влияет на динамику неравенства и власти? Ощущение несправедливости и боль — вот что объединяет многие голоса, звучавшие в ожесточенных дискуссиях об историях Кейтлин Дженнер и Рейчел Долезал.

Отсутствие опыта угнетения и невозможность прочувствовать эту боль, а также стереотипные представления о ее переживании часто влияют на оптику исследователей маргинализованных групп, делая невозможным и недоступным для них глубокое понимание ситуации. Это довольно легко заметить в современных работах о трансгендерности на русском языке. Так, проводя исследование самооценки и качества жизни трансгендерных людей в России, Демедецкая и Кумченко делят трансгендерность на «транссексуальность» и «квиргендерность». В работе нет четкого объяснения, что именно подразумевается под каждой категорией.

Если мы берем наиболее употребимое, классическое понятие «транссексуальности», зафиксированное Международной классификации болезней десятого пересмотра, то под ней понимается в том числе «желание подвергнуться хирургическому вмешательству или получить гормональное лечение». Вероятнее всего, на основании подобного понимания в «транссексуалы» были записаны люди, которые совершают или планируют медицинский трансгендерный переход, а в категорию «квиргендеры» — трансгендерные персоны,

которые не стремятся к медицинскому переходу, причем как бинарные, так и небинарные: «группа квиргендеров и бинарных трансгендеров, не желающих переменять биологический пол, обобщающе названа квиргендерами по причине такового предпочтения со стороны бинарных трансгендеров» [Демедецкая, Кумченко, 2016, с. 327].

Данная классификация создает ложное представление о том, что небинарные трансгендерные люди, особенно идентифицирующие себя как «квир», характеризуются тем, что не считают необходимым для себя медицинский трансгендерный переход. Это опровергают как зарубежные исследования [Ellis, McNeil, Bailey, 2014, p. 355], так и мой личный опыт общения с русскоязычным транс-сообществом. Как среди бинарных, так среди небинарных трансгендерных людей есть те, кто проходит через операции и/или гормональную терапию, так и те, кто этого не делает и не планирует.

Авторы одного из самых свежих российских исследований трансгендерности Ушкова и Киреев вносят свой вклад в разноголосицу: «Трансгендерность — общий термин, используемый для обозначения людей, чей гендер и биологический пол не совпадают. К такой категории относятся индивиды, относящие себя к противоположному полу — транссексуалы» [Ушкова, Киреев, 2017, с. 84]. Это утверждение в свою очередь игнорирует тот факт, что среди бинарных трансгендерных персон («относящих себя к другому полу») есть люди, не являющиеся транссексуалами. А следующая фраза в принципе ставит в тупик: «В странах, где общество информировано о транссексуализме, выражают желание сделать коррекцию пола 1 из 30 000 мужчин и 1 из 100 000 женщин» — кто здесь подразумевается под «женщинами» и «мужчинами»? Какой именно трансгендерный переход имеется в виду? [Там же, с. 86].

В статье Зборовской анализируются ассоциации трансгендерных людей со словом «doctor»: «Среди реакций американских респондентов мы… встречаем слова, отсылающие к транссексуальному переходу и ожиданию начала новой, полноценной жизни в собственном теле …: “time lord”, “transition”, “gatekeeper”» [Зборовская, 2014, с. 458]. Между тем мировая популярность фантастического сериала «Doctor Who», в котором протагонист, называемый Доктором, как раз относится к расе «лордов времени», вызывает некоторые сомнения в неопровержимости связи ассоциации «doctor» — «time lord» с медикализированным трансгендерным переходом. Да, мы можем предположить, что респондент высказался глубоко метафорично, подразумевая именно то, о чем говорит исследователь. Однако стоит ли списывать со счетов вероятность того, что, трансгендерные люди, вопреки существующему дискурсу, не только постоянно думают об операциях и «новом теле», но и просто любят смотреть сериалы?

Для того чтобы свести к минимуму «слепые пятна» в собственной оптике, описать и проанализировать социальную реальность со всей ее неоднородностью и противоречиями, исследователь должен обладать глубоким пониманием группы, которую исследует, а также способностью к сопереживанию. По моему мнению, именно эта отлично продемонстрированная способность делает работу Брубейкера заслуживающей особого внимания.

Библиография

Воронков В., Карпенко О., Осипов А. (ред.) (2002) *Расизм в языке социальных наук*, СПб.: Алетейя.

Воронков В., Карпенко О., Осипов А. (ред.) (2008) *Расизм в языке образования*, СПб.: Алетейя.

Демедецкая Я.А., Кумченко Р.С. (2016) Исследование самооценки и качества жизни у лиц с различными трансгендерными идентичностями. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, (2): 326–330.

Зборовская Т. (2014) Специфика формирования картины мира трансгендеров в зависимости от социокультурных реалий: исследование ассоциативных норм на примере русского и английского языков. А.А. Кондаков (ред.) *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ- и квир-исследований*, СПб.: Центр независимых социологических исследований: 438–465.

Кирей-Ситникова Я. (2015) *Трансгендерность и трансфеминизм*, М.: Саламандра.

Мишина М. (2017) Ты не поверишь, в чем обвинили Сашу Кэт! *ElleGirl* (http://www.ellegirl.ru/articles/tyi-ne-poverish-v-chem-obvinili-sashu-ket)

Ушкова И.В., Киреев Е.Ю. (2017) Трансгендерность в современном российском обществе. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (2): 82–96.

Ярская В. (2012) Язык мой — враг мой: расистский дискурс в российском обществе. *Социологические исследования*, (6): 46–53.

Bissinger B. (2015) *Caitlyn Jenner: The full story.* Vanity Fair, 25.

Ellis S.J., McNeil J., Bailey L. (2014) Gender, stage of transition and situational avoidance: a UK study of trans people's experiences. *Sexual and Relationship Therapy*, 29 (3): 351–364.

Jee-Lyn García J., Sharif M.Z. (2015) Black lives matter: a commentary on racism and public health. *American Journal of Public Health*, 105 (8): e27–e30.

Jones C.P. (2000) Levels of racism: a theoretic framework and a gardener's tale. *American journal of public health*, 90 (8): 1212.

Perez-Pena R. (2015) Black or white? Woman's story stirs up a furor. *The New York Times.* 12: A1: (https://www.nytimes.com/2015/06/13/us/rachel-dolezal-naacp-president-accused-of-lying-about-her-race.html)

References

Bissinger B. (2015) *Caitlyn Jenner: The full story.* Vanity Fair, 25.

Demedetskaia Ia.A., Kumchenko R.S. (2016) Issledovanie samootsenki i kachestva zhizni u lits s razlichnymi transgendernymi identichnostiami. [Study self-esteem and quality of life in persons with transgender identity]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii*, (2): 326–330.

Ellis S.J., McNeil J., Bailey L. (2014) Gender, stage of transition and situational avoidance: a UK study of trans people's experiences. *Sexual and Relationship Therapy*, 29 (3): 351–364.

Jee-Lyn García J., Sharif M.Z. (2015) Black lives matter: a commentary on racism and public health. *American Journal of Public Health,* 105 (8): e27–e30.

Jones C.P. (2000) Levels of racism: a theoretic framework and a gardener's tale. *American journal of public health,* 90 (8): 1212.

Kirei-Sitnikova Ia. (2015) *Transgendernost' i transfeminizm. [Transgender and transfeminism],* Moscow: Salamandra.

Mishina M. (2017) *Ty ne poverish', v chem obvinili Sashu Ket! [You won't believe what they have accused Sasha Cat of!], ElleGirl.* (http://www.ellegirl.ru/articles/tyi-ne-poverish-v-chem-obvinili-sashu-ket)

Perez-Pena R. (2015) Black or white? Woman's story stirs up a furor. *The New York Times.* 12: A1: (https://www.nytimes.com/2015/06/13/us/rachel-dolezal-naacp-president-accused-of-lying-about-her-race.html)

Ushkova I.V., Kireev E.Iu. (2017) Transgendernost' v sovremennom rossiiskom obshchestve. [Transgender in the modern russian society] *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (2): 82–96.

Voronkov V., Karpenko O., Osipov A. (eds) (2002) *Rasizm v iazyke sotsial'nykh nauk. [Racism in the language of social sciences],* St. Petersburg: Aleteiia.

Voronkov V., Karpenko O., Osipov A. (eds) (2008) *Rasizm v iazyke obrazovaniia. [Racism in the language of education],* St. Petersburg: Aleteiia.

Yarskaya V. (2012) Jazyk moj — vrag moj: rasistskij diskurs v rossijskom obshestve [My language is my enemy: racist discourse in Russian society]. *Sociologicheskie issledovanija*, (6): 46–53.

Zborovskaya T. (2014) Spetsifika formirovaniia kartiny mira transgenderov v zavisimosti ot sotsiokul'turnykh realii: issledovanie assotsiativnykh norm na primere russkogo i angliiskogo jazykov. [The Socio-Cultural Specifics of Worldview Formation amongst Transgenders: A Study of Associative Norms in Russian and English]. A. Kondakov (ed). *Na pereputye: metodologia, teoria i praktika LGBT i kvir-issledovaniy. [On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies],* St. Petersburg.: Centre for Independent Social Research: 438–465.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Тай М.С. (2018) Трансгендерность, трансрасовость, транс? Рецензия на книгу: Rogers Brubaker (2016) Trans: Gender and Race in an Age of Unsettled Identities, Princeton University Press. *Социология власти*, 30 (1): 227-236.

Tay M.S. (2018) Transgender, Transracial, Trans? Review: Rogers Brubaker (2016) Trans: Gender and Race in an Age of Unsettled Identities, Princeton University Press. *Sociology of Power*, 30 (1): 227-236.

Поступила в редакцию: 10.01.2018; принята в печать: 05.02.2018